

Е. Н. Данилова

СЕМЬЯ И ПАТРОНИМИЯ В СИСТЕМЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ АБАЗИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Абазины — небольшой по численности народ Северо-Западного Кавказа¹, мало исследованный в этнографическом отношении.

В данной статье дается характеристика семьи и патронимии у абазин на основе полевых материалов, собранных автором во время этнографических экспедиций в Карачаево-Черкесскую автономную область. Привлечены также архивные материалы.

У народов Северо-Западного Кавказа в XIX в. продолжала существовать сельская территориальная община как основной структурный элемент их общественной организации. Абазинская сельская община имела несколько названий: «кыт» (ср. с абхазским «акыта»), «квей» и арабское «джамаат». Наиболее древним названием было, очевидно, «кыт». Таким же термином обозначался у абазин и аул. У многих народов Кавказа название сельской общины идентично названию аула. Так, абхазское «акыта», адыгское «куадж», осетинское «кау», карачаевское и азербайджанское «эль»² и т. д. — это и названия селения и территориальной общины. Низшей самостоятельной социальной единицей сельской общины была семья, формы которой изменялись с развитием общества, ибо «семья, — как указывал К. Маркс, — представляет собой продукт общественной системы»³.

Что же представляла собой семья абазин (*тгIачва*) в исследуемый период? Основной формой семьи в абазинской сельской общине во второй половине XIX в. стала малая индивидуальная семья, хотя большая семья продолжала существовать, причем сохранность ее у разных народов Северного Кавказа зависела от конкретных условий социально-экономического развития. В статье главное внимание уделяется характеристике большой семьи у абазин.

Абазинская большая семья называлась *тгIачва-ду* (букв. «большая семья»), у горных абазин-шкаровцев — *тахчваду*⁴. Существовали и дру-

¹ По данным переписи 1971 г., абазин насчитывается 22,9 тыс. чел. («Ставропольская правда», 23 мая 1971 г.). В середине XIX в. абазин было свыше 60 тыс. чел., но во время махаджирского движения в 1850—1880 гг. более 35 тыс. абазин (по официальным сведениям) переселилось в Турцию. В пределах СССР основная часть абазин живет в Карачаево-Черкесской автономной области.

² Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы; Сухуми, 1965, стр. 395; В. К. Гарданов, Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.), М., 1967, стр. 285; З. Н. Ванеев, Из истории родового быта Юго-Осетии, Тбилиси, 1955, стр. 97; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в., Черкесск, 1960, стр. 137.

³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 37.

⁴ Абазины делились на две группы — *тапанта* (*тIапIанта*) и *шкарау* (*шхъарауа*), каждая из которых состояла из шести более мелких подразделений. В XIX в. эти подразделения были уже не родовыми, а локальными группами абазин. К тапантинцам принадлежали: *ловцы* (*лзу*); *бибердовцы* (*бибард*), *дударуковцы* (*дударыкъва*), *джантемировцы* (*джэнтмыр*), *кычевцы* (*кълыч*), *кячевцы* (*къячв*); к шкаровцам — *башилбаевцы* (*бысылбай*, *мысылбай*), *гамовцы* (*гам*), *баговцы* (*багъ*), *баракаевцы* (*баракъай*), *кизилбековцы* (*къзылбэк*), *шахгиреевцы* (*чэгарэй*).

гие названия для большой семьи абазин: *унагIважв* (букв. «старая семья», ср. с адыгским *унэгъожь* — «старая семья») ⁵, *чуанк йацтачаз* — «евшие из одного котла».

У абазин число больших семей во второй половине XIX в. было еще значительным. В Центральном государственном военно-историческом архиве Москвы сохранились списки жителей некоторых абазинских аулов. Вот что дал анализ посемейных списков одного из аулов князей Лоовых, составленный в 1865 г. ⁶ В списке перечислена 91 семья-домохозяйство. Каждая из них включала семью владельца (представителя свободного сословия) и семейства крепостных крестьян — *лыгов* (если они имелись у данного владельца). Всего в этом списке насчитывалось 534 мужчины и 498 женщин (вместе с крепостными), т. е. 1032 человека. Из них представители зависимых сословий — *унавы* и *лыг* — составляли 333 чел., т. е. приблизительно $\frac{1}{3}$ населения аула. Нам интересуют семьи лиц свободных сословий (аха, агмиста, анхаю и азатов), так как только они считались полноправными членами сельских общин.

Приблизительно $\frac{1}{3}$ семей лиц свободных сословий (29 из 91) были большими семьями. Они состояли главным образом из родителей и их женатых сыновей («отцовская большая семья»), либо из нескольких женатых братьев («братская большая семья»).

Как видим, процент больших семей довольно большой, но они были немногочисленны, в среднем от 7 до 20 человек. Например, семья Кочана Кбпсергенова состояла из трех брачных пар: отца и матери, двух женатых сыновей с детьми, неженатых сыновей, трех незамужних дочерей, вдовы умершего сына с детьми — всего 17 человек ⁷. Семья Хожи Цекова состояла из 12 человек: трех женатых братьев, одного неженатого, их сестер ⁸ и т. д. Таков был обычный состав семьи у абазин в конце XIX в., хотя другие архивные документы и полевые материалы дают нам сведения о существовании в этот период и более многочисленных семей (30—60 человек). Так, в семье башильбаевского старшины Джамбота Етлукова в 50-х годах XIX в. насчитывалось 35 человек: вместе жили 8 брачных пар ⁹; в семье башильбаевца Идриса Ганифанова — 32 человека (6 брачных пар) ¹⁰. Семья Тлисовых состояла из 49 человек, семья Апсовых — из 60 человек ¹¹ и т. д.

Но, очевидно, к концу XIX в. таких многочисленных семей оставалось уже немного. Уменьшение количественного состава большой семьи служит одним из показателей изменений, происходивших в семейной общине, одним из свидетельств ее распада. Однако процесс этот продолжался в течение длительного периода, и большая семья даже на последнем этапе своего существования устойчиво сохранялась в абазинском обществе.

При исследовании вопроса о причинах, способствовавших длительному сохранению больших семей, следует учитывать характер традиционного хозяйственного уклада. При комплексном хозяйстве (а для абазин характерно было сочетание отгонного скотоводства и земледелия), когда требовалось значительное число работников для перегона скота с одних пастбищ на другие, дальние, а также для проведения земледельческих работ, существование многочисленной семьи было экономически выгодно.

⁵ М. А. Меретуков, Семейная община у адыгов, «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского ин-та», Майкоп, 1970, вып. XI, стр. 252.

⁶ «Центр. гос. военно-ист. архив» (далее ЦГВИА), ф. 14257, оп. 3, д. 505, лл. 10—26.

⁷ Там же, л. 25.

⁸ Там же, л. 10—26.

⁹ Там же, д. 486, л. 145, 148 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Полевые материалы Северо-Кавказской этнографической экспедиции МГУ (далее СКЭЭ МГУ), 1970—1971 гг., тетр. 10, стр. 17.

В ряде исследований отмечалось, что большая семья сохранялась наиболее устойчиво именно у тех народов, для которых была характерна отгонная система скотоводства. Так, например, Ю. И. Мкртумян на армянских материалах показал, «что в тех районах, где практиковалась отгонная система содержания скота, создавались реальные предпосылки для сохранения больших семей»¹².

В абазинской семье существовала строгая иерархия: все члены семьи подчинялись ее главе (отцу или старшему брату), младшие — старшим, женщины — мужчинам.

Отец (*аба*), а после его смерти старший брат (*ацца-ду*) руководили большой семьей. Они обладали большой властью и правами по отношению к остальным членам семьи. «Власть родительская, — отмечал Ф. Торнау, побывавший в ряде абхазских и абазинских аулов, — неограниченна. Отец не отвечает ни перед кем за жизнь своего ребенка»¹³.

Глава семьи распределял работу между членами семьи, проверял ее исполнение, совершал закупки для семьи, заключал договоры и пр. В семье соблюдалось строгое половозрастное разделение труда. Домашней работой занимались только женщины, а скотоводческим хозяйством и земледельческими работами — мужчины. Например, Хамид Кужев из аула Старо-Кувинский рассказывал: «Нас у отца было 5 сыновей. Жили в одном доме. Один пас овец, другой — коров, трое в поле работали. Два моих брата только в поле работали, а я 23 года пас овец»¹⁴.

Среди женщин старшей в доме всегда была свекровь. Ее называли *акважва* (букв. «госпожа»). А после ее смерти эта роль возлагалась на жену старшего брата *атацца-ду* (старшая невестка), даже если по возрасту она была моложе остальных невесток.

Глава семьи представлял свою семью в семейно-родственном коллективе — *тухуме* и в общине — *кыт*. Он участвовал в общесельских и тухумных сходах, имел право выбирать аульную администрацию, защищая интересы своей семьи. И часто не только экономическое положение семьи или ее многочисленность, но и личные качества главы семьи определяли отношение общества к данной семье и взаимоотношения ее с другими семьями.

Коллективная собственность, совместное производство и потребление — это три неотъемлемые черты большой абазинской семьи. «Общее согласие укрепляет дом (быт, семью), общее питание вкусное», — говорится в одной из абазинских пословиц.

Многолюдная большая семья жила в разных домах, но в одном дворе. Две-три брачные пары занимали обычно один дом, он назывался *атыдзы-ду* (большой дом)¹⁵, где за каждой парой закреплялась отдельная комната — *мхлара* (комната молодоженов).

Большая семья считалась коллективным собственником всего семейного имущества. Крепостные крестьяне (*лыги*) и рабы (*унавы*) до отмены крепостного права, скот, постройки, орудия труда, различная утварь — все это считалось собственностью целой семьи. Имущество (скот, деньги, вещи), заработанное на стороне (при отходах на заработки, в основном сезонные, которые в пореформенное время практиковались все шире, или заработки ремесленников), также становилось семейной собственностью.

Преимущественным правом распоряжения семейной собственностью пользовался глава семьи — отец. В его власти было продать или купить, подарить или отдать в долг что-либо из семейной собственности, лишить наследства детей. В 1867 г. жители Дударуковского аула жаловались

¹² Ю. И. Мкртумян, Скотоводство и быт населения в армянской деревне в XIX веке, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 27.

¹³ Ф. Торнау, Воспоминания кавказского офицера, «Русский вестник», 1864, № 9, стр. 59.

¹⁴ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 9, стр. 32.

¹⁵ В настоящее время термином *атыдзы-ду* у абазин называется зимний дом.

начальнику Кубанской области на то, что дети штабс-капитана Дударукова «занимаются распахой земли и сенокосением на земле Дударуковского аула и проживают в самом ауле», хотя их отец имел 1000 десятин земли, пожалованной ему царским правительством в вечное пользование. Асламбек Дударуков, узнав об этом, сообщил, что детей к себе не возьмет, так как они в свое время выцли у него из повиновения и «делали ему дерзости», за что он лишил их наследства¹⁶.

В братских неразделенных семьях воля и власть старшего брата, главы семьи, не были столь неограниченными, как власть отца в отцовской большой семье. Интересен для исследования отношений внутри братской неразделенной семьи документ, в котором зафиксированы взаимоотношения двух братьев Саралыпа и Эдыка Лоовых, совладельцев общего имущества, доставшегося им после смерти отца¹⁷. Им принадлежали крепостные крестьяне и рабы — всего 74 души, 1500 баранов и 300 коз, хозяйственные и надворные постройки и различные вещи¹⁸.

Саралып и Эдык Лоовы добровольно согласились на общее владение имуществом «при всем народе Лоова аула, в присутствии почетных стариков и князей фамилии Лоовых с их эфендием». Судя по этому документу братья жили в разных домах, но должны были «сидеть вместе, в одной кунацкой, как братья. Есть и пить вместе. Также их жены должны быть вместе как родные сестры»¹⁹.

Ни один из братьев не имел права распоряжаться единолично имуществом без совета другого, не мог отпустить на волю крестьянина без общего согласия; все товары, покупавшиеся для семейства, «должна разделить на две равные части жена старшего брата, а меньшего выберет, какую захочет из двух частей»²⁰. Все, что купил, нашел или приобрел и принес в дом один брат, становилось собственностью и другого брата. «Если кто из них найдет где-нибудь какую-либо вещь, — говорилось в «Договоре», — он может подарить оное, пока он в дороге. Когда же прибьет домой, не смеет дарить без совета брата».

Таким образом, оба брата-сонаследники имели формально одинаковые права не только на ту часть имущества, которая была унаследована ими от отца, но и на то движимое или недвижимое имущество, которое было приобретено одним из них.

На деле старший брат в силу своего старшинства часто без совета и без уведомления младшего брата совершал различные сделки. Так, Саралып без ведома Эдыка отпустил на волю за выкуп целое семейство крепостных крестьян, купил у узденя Шолоха Трамова лошадей, отдав за две лошади 100 баранов, и т. д.²¹

Уже в договоре указывалось: «Все имеющееся у них из вещей должно храниться в доме старшего брата»²², что ставило братьев в неравное положение по отношению к их общему имуществу.

Естественно, что младшие братья стремились выделиться и вести самостоятельное хозяйство; старшие же, напротив, всеми силами старались сохранить семью нераздельной.

Приведенные выше материалы характеризуют взаимоотношения между братьями в семье высшего сословия — *аха*. К сожалению, у нас нет столь же подробных сведений о взаимоотношениях внутри неразделенных семей свободных крестьян — *анхаю*. Однако несомненно, что и в семьях *анхаю* и *азатов* (вольнотпущенников) наблюдалась подобная же тенденция к выделу младших братьев из состава больших братских

¹⁶ Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК), ф. 774, оп. 1, д. 324, л. 1—2.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 3, д. 284. Это дело относится к 40-м годам XIX в.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 3, д. 284, л. 242.

¹⁹ Там же, л. 252—252 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 244—244 об.

²² Там же, л. 252—252 об.

семей. И если в знатных фамилиях устойчивое бытование большой семьи объяснялось желанием сохранить в целостности ее имущество, то в бедных семьях разделу препятствовали, чтобы не расплыть рабочую силу. Это особенно важно было в условиях комплексного хозяйства — отгонного скотоводства и пашенного земледелия.

Во второй половине XIX в. раздел больших семей стал обычным явлением, причем, как правило, братские неразделенные семьи были менее устойчивы и распались быстрее. В. П. Невская, исследовавшая карачаевскую семейную общину, также отмечает, что «случаи раздела семей чаще всего происходили после смерти отца»²³. В этом случае имущество между братьями делилось поровну, а дом обычно доставался старшему брату. Так же было и у адыгов, осетин²⁴ и других народов Северного Кавказа. Например, при разделе семьи Батирбиевых в ауле Кувинский в 1897 г. дом остался старшему брату Тлоху, однако он помогал остальным братьям построить дома. Весь скот поделили поровну, но младшие братья из своей доли дали старшему по нескольку овец в знак уважения²⁵.

Раздел братской большой семьи (сразу после смерти отца либо спустя некоторое время) — это один из обычных путей дробления больших семей. Другой путь — это отделение старшего сына после женитьбы. Отец выделял ему скот, землю, помогал построить дом. Для разделившихся семей существовали особые термины, например *унагIвашыц* («недавно выделившееся хозяйство»), *кIвыдазлара* («жить отдельно»).

Во второй половине XIX в. с увеличением частнособственнических тенденций, вызванных социально-экономическим развитием этого края, большие семьи начали распадаться более быстрыми темпами и малая семья стала господствующей формой семьи в сельской общине. Процесс распада больших семей ускорялся благодаря разделу земли по дымам (домохозяйствам), осуществленному в 1860—1870-х годах и практиковавшемуся в некоторых аулах (например, в Кумско-Абазинском) особенно долго.

Семья была основной производственно-экономической ячейкой сельской общины. Совместный труд в рамках большой семьи был значительно эффективнее, чем в малой. Количество рабочих рук в семье уменьшилось, а комплексный хозяйственный уклад, оставаясь прежним, требовал усилий многих людей. То, что раньше было по силам одной многочисленной семье, оказывалось непосильным для малой семьи. Поэтому на первых порах теснейшие связи между отдельными небогатыми семьями в области хозяйственной жизни сохранялись и принимали формы объединений по совместному выпасу скота, обработке земли и пр. Например, Темиров Яхья (аул Абазакт) для выпаса овец объединялся со своими четырьмя братьями, хотя после смерти отца братья жили раздельно; семь братьев Баловых (аул Псаучье-Дахе) также объединялись для выпаса скота; Нипа Абдурахман (аул Старо-Кувинский) предпочитал выпасать скот совместно со своими братьями, жившими отдельно²⁶, и т. д. С дроблением больших семей удельный вес производственных объединений в сельской общине возрос.

Однако тесные связи между родственными семьями сохранялись не только в области организаций трудовой деятельности, гораздо прочнее они оказались в других областях — бытовой и идеологической. Широкие

²³ В. П. Невская, Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX веке, «Из истории Карачаево-Черкессии, Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», вып. 6, Ставрополь, 1971, стр. 202.

²⁴ З. Д. Гаглоева, Семейная община у осетин, «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института», Цхинвали, 1969, стр. 113.

²⁵ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 9, стр. 33.

²⁶ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 3, стр. 49, 55; тетр. 9, стр. 24.

родственно-семейные коллективы — патронимии еще и во второй половине XIX в. играли определенную роль в сельской общине абазин.

Патронимическая организация у различных народов Северного Кавказа изучена неодинаково. У отдельных народов, например осетин, карачаевцев, абхазов²⁷ и др., патронимия изучена лучше, в то время как, например, у ногайцев, абазин исследование патронимических отношений почти не проводилось.

Л. И. Лавров отмечал только, что у абазин сохранялось деление на патронимии и большие семьи²⁸.

Абазинская патронимия в XIX в. чаще всего обозначалась заимствованным иранским словом *тухум* (*ткъвым*), что значит «семья». Но у абазин существовали и свои названия для семейно-родственной группы. Наряду с термином *ткъвым* употреблялся, правда гораздо реже, термин *ажвла*, *жвла* (семья). Еще реже применялся термин *абанпара* (ср. с абхазским *абипара* — «сыновство по отцу»). При определении близкого родства корень *абанпара* входит составной частью в слово, обозначающее поколение. Например, *гIванабанпара* — второе поколение; *хынабанпара* — третье поколение; *пщынабанпара* — четвертое поколение; *хвынабанпара* — пятое поколение; *цынабанпара* — шестое поколение; *бжьынабанпара* — седьмое поколение²⁹. Очевидно, термин *абанпара* — наиболее древнее абазинское обозначение семейно-родственной группы. Об этом свидетельствует и его близость к абхазскому *абипара*. Но, повторяем, в XIX в. для обозначения семейно-родственного коллектива у абазин широко применялось иранское название *тухум*.

До 1860 г., т. е. до переселения горных абазин в предгорные районы, у абазин существовали две формы патронимии: рассеянная патронимия и патронимияльные общины. Обе формы были выделены З. Н. Ваневым при изучении осетинской патронимической организации *фыдыфырт* (отца сын)³⁰. Рассеянная патронимия была характерна для горных абазин — абазин-шкаровцев. Например, в донесениях царских офицеров в период Кавказских войн часто упоминаются «хутора» в землях кизилбековцев и башилбаевцев, расположенные поблизости один от другого³¹. Очевидно, каждый такой «хутор» представлял собой патронимическое небольшое поселение. Полевые материалы подтверждают, что в прежнее время существовали аулы, населенные лишь родственными семьями-однофамильцами. Так, в середине XIX в. недалеко от Кумско-Абазинского аула находилось поселение Чамбовых. Муса Тлисов из аула Апсуа сообщил, что когда-то все Тлисовы занимали один аул — Цишба³².

В сельской общине, состоявшей из патронимий, которые жили отдельными поселками, семейно-родственные группы были относительно самостоятельны и обособлены. В такой общине родственные связи на первых порах преобладали над неродственными, территориальными.

Вследствие переселения абазин в предгорные районы и укрупнения аулов во второй половине XIX в. рассеянный тип патронимии исчез. Основной формой сельской общины стала патронимияльная община, семейно-родственная группа которой занимала в ауле отдельный квартал. Кровнородственные связи в патронимияльной общине разрушались быстрее, чем в патронимияльных поселках-хуторах.

Итак, сельская община *абазин-кыт* во второй половине XIX в. состояла из ряда семейно-родственных групп — *тухумов*, живших в пределах

²⁷ З. Н. Ванев, Указ. раб.; В. П. Невская, Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в.; Ш. Д. Ингал-Ипа, Очерки по истории брака и семьи у абхазов, Сухуми, 1954.

²⁸ Л. И. Лавров, Абазини, «Кавказский этнографический сборник», т. I, 1955, стр. 7.

²⁹ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 9, 10.

³⁰ З. Н. Ванев, Указ. раб., стр. 46—47.

³¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6652, л. 4, 7 и другие документы.

³² Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 10, стр. 13 об.

одного аула. У абазов сельская община (*акыга*) также состояла из ряда патронимий (*абипара*); карачаевская община (*эль*) распалась на *атаулы* (букв. «от отца») ³³ и т. д.

Были ли абазинский *тухум* самостоятельной производственно-экономической ячейкой сельской общины наряду с семьей? Если говорить о второй половине XIX в., то на этот вопрос следует ответить отрицательно. Как правило, семья, а не семейно-родственная группа была собственником основных средств производства, имущества; она была также основной хозяйственной ячейкой общества. Можно лишь говорить о сохранявшихся патронимических связях, оказывавших влияние на структуру и разные стороны жизни сельской общины. Правда, отдельные семьи, составлявшие *тухум*, сохраняли некоторое хозяйственное единство. Это хорошо видно при исследовании земельных отношений в абазинской сельской общине и особенно в период, предшествовавший реформе ³⁴. В абазинской сельской общине накануне земельных преобразований 1860—1870-х годов можно отметить различные формы земельных отношений: наряду с сохранявшимся общинным землевладением на необрабатываемые угодья существовали различные формы присвоения обрабатываемых земель — земельная собственность, земельное владение и земельное пользование. Причем все эти формы присвоения обрабатываемых земель были характерны не для отдельного частного лица, а для группы родственных семей-*тухума* либо для отдельной семьи (большой или малой). Например, семейно-родственная группа Кужевых из аула Псыж совместно владела сенокосным участком; он назывался «балка Кужевых». Строгого распределения участков среди семей Кужевых не было: каждая из них косила столько, сколько ей было необходимо. Балкой «Дулак-икор» недалеко от Кумско-Абазинского аула владел *тухум* Пшуновых; около ст. Бекешевской есть балка Джандубаевых — «Джаныт-байкор» — бывшее владение фамилии Джандубаевых ³⁵ и т. д.

В то же время во второй половине XIX в. основной землевладельческой единицей была уже отдельная семья, а не *тухум*. Однако в сознании абазин сохранялись представления о кровнородственных связях, пусть даже фактически почти угасших. Недаром после земельных преобразований 60—70-х годов, проведенных царским правительством, и введения переделов общинной земли (пахотной и сенокосной) сохранялось стремление однофамильцев иметь участки рядом, и если при жеребьевке это не всегда удавалось, то разрешался обмен участками ³⁶.

С проникновением в абазинский аул капиталистических отношений и с разрушением натурального хозяйства экономические связи между отдельными семьями *тухума* все более ослабевали.

Итак, абазинский *тухум* во второй половине XIX в. не был самостоятельной производственно-экономической единицей сельской общины. Как же и в чем сохранялись и проявлялись особенно ярко *тухумные* связи в абазинской общине?

Прежде всего они проявлялись при расселении: осознание единства происхождения заставляло однофамильцев селиться рядом, в одном ауле, в одном квартале. Квартал, заселенный однофамильцами, назывался у абазин *кядыгв* или *халь* ³⁷. В исследуемое время более распро-

³³ Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 404; В. П. Невская, Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в., стр. 211.

³⁴ Подробнее о земельных отношениях в абазинской сельской общине см.: Е. Н. Данилова, Земельные отношения в абазинской сельской общине в предреформенный период, «Вестник Московского государственного университета» (история), 1973, 3.

³⁵ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 10, стр. 12—13; тетр. 4, стр. 26.

³⁶ Там же, тетр. 4, стр. 26, 33, 36 и сл.

³⁷ У адыгов термином *халь*, так же как и у абазин, обозначался патронимический квартал, а в древние времена — патронимическое поселение (см.: В. К. Гарданов,

страненным был термин *хабль*. Внутри патронимического квартала все дворы были соединены между собой. В изгородях имелись особые лазы, и можно было свободно переходить из одного двора в другой, не выходя за пределы тухумного квартала. Точно такие же лазы существовали в черкесских и абхазских селениях³⁸. Расселение внутри аула родственными кварталами — наиболее устойчивая черта патронимических отношений.

Старейший по возрасту член тухума считался его тамадой, старшим семейно-родственного коллектива — *ахIба*, а его жена была старшей среди женщин. В компетенцию ахIба, входило разрешение споров между отдельными семьями тухума или отдельными патронимическими кварталами-*хаблями*; с ним советовались по бытовым вопросам, например где построить дом, когда устроить свадьбу и пр. Старший должен был организовать помощь бедным родственникам. Он был как бы хранителем тухумных традиций. И сейчас в абазинских аулах сохраняется обычай в важных вопросах советоваться с самым старшим мужчиной или с самой старшей женщиной фамилии. Но никакими особыми правами среди членов семейно-родственного коллектива старейший не обладал.

Наличие общесемейного знака собственности — тамги (*дамыгъа*) также является одной из черт патронимических связей и свидетельством более тесных хозяйственных контактов в патронимии в прошлом. Во второй половине XIX в. фамилия, как правило, имела единую тамгу, но отдельные семьи договаривались между собой, как каждая из них будет клеймить свой скот (скажем, одна семья ставила клеймо на правую ляжку лошади, крупного рогатого скота, другая — на левую и т. д.). Однако в то же время существовали уже и семейные тамги. Они представляли собой обычно разновидность общетухумной тамги или начальную букву родоначальника семьи. Некоторые абазинские фамилии, например Хатковы, Айсановы, Молхозовы, Шановы и др., имели несколько разновидностей своей семейной тамги. Тамга хранилась обыкновенно в семье старшего представителя семейно-родственной группы и считалась фамильной реликвией. Ш. Д. Инал-Ипа упоминает об абазине Р. Х. Хутова, переселившемся в Абхазию из аула Красноявосточный. В числе других вещей он привез с собой свою тамгу. По словам Хутова, «неизвестно, кто и когда заимел ее в роду, но как родовая реликвия она уже давно переходит из поколения в поколение. Ею метили свой скот только члены данной родственной группы и за целое состояние не уступили бы никому другому»³⁹.

Знак собственности ставился на различные предметы — посуду, прилоку дома. Фамильная тамга наносилась и на надмогильные камни при захоронении кого-либо из членов тухума.

Каждая семейно-родственная группа имела свой участок на кладбище, где хоронились представители только данного тухума. Во время похорон кого-либо из членов тухума единство и тесная связь родственных семей проявлялись особенно ярко. На похороны непременно собирались все родственники, они оказывали материальную и моральную поддержку семье, которую постигло горе. На несколько дней родственники и соседи освобождали членов этой семьи от различных домашних и хозяйственных забот — ухаживали за скотом, готовили пищу и т. д.

Одна из наиболее устойчивых черт патронимической организации — ее экзогамия. Однофамильцы ни в коем случае не могли вступить в брак.

Патронимические отношения проявлялись и в существовании единых

Общественный строй адыгских народов, стр. 282). У абхазов словом *ахабла* обозначали территорию, занимаемую братством — *аешыара* (см.: Ш. Д. Инал-Ипа, Очерки по истории брака и семьи у абхазов, стр. 186). Этимология слова *хабль* до сих пор окончательно не выяснена.

³⁸ И. А. Джинджал, Жилища абхазов, Сухуми, 1957, стр. 13.

³⁹ Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 223.

запретов у многих патронимических групп. Так, семейно-родственная группа у абазин имела единый запретный день — *мышражв*. В этот день нельзя было выполнять определенные виды работ. Происхождение запретных дней, как установила Л. Х. Акаба по абхазским материалам⁴⁰, в большинстве случаев связано с культом молнии. Например, в тухуме Кунижевых (аул Псыж) запретным днем для всех семей был вторник. По тухумным преданиям, именно в этот день во время грозы погибли от шаровой молнии двое детей одной из семей Кунижевых. И с тех пор вторник стал запретным днем для всех Кунижевых этого аула⁴¹. Некоторые тухумы имели по несколько запретных дней.

Бедным семьям тухума оказывалась материальная помощь в разных случаях жизни. Например, если у кого-нибудь из членов тухума не хватало на калым, то двое старейших членов этого тухума собирали недостающую часть со всех членов родственной группы. Так, Закария Айсанов заплатил за свою жену калым в 12 коров, которых ему помогли приобрести его родственники⁴². При уплате «цены крови», когда существовала кровная месть (*цахахпра*), участвовали все однофамильцы; мстить за убитого должен был весь тухум.

В абазинской сельской общине широко практиковалась также взаимопомощь. Этот обычай называется *члхлхв* (букв. «делать в долг»). Обычай приглашать на *члхлхв* был широко распространен при самых разных видах работы, и отказ от приглашения считался оскорблением. Во второй половине XIX в. *члхлхв* превратился преимущественно в соседскую взаимопомощь. Однако сохранился целый ряд обычаев, которые свидетельствуют о том, что некогда *члхлхв* был одним из видов родственной взаимопомощи.

Необходимо подчеркнуть, что во второй половине XIX в. все большее значение в общине приобретали соседские отношения. Так, в различного рода празднествах — свадьбе, праздниках, связанных с рождением ребенка, — принимали участие уже не только родственники, но и соседи.

Возрастающая роль соседских отношений нашла отражение и в абазинском фольклоре. Абазинские пословицы: «Лучше по одному родственнику иметь в каждом ауле, чем аул, полный родными» или «Твой сосед и твое сердце (оба одинаковы)»⁴³ и др. — косвенное свидетельство этого процесса.

Таким образом, патронимические отношения в сельской общине абазин во второй половине XIX в. еще сохранялись. Но патронимия как определенная форма общественной организации к этому времени утратила свою самостоятельность, сохраняя лишь отдельные черты хозяйственной, общественной и идеологической общности. Условно патронимию второй половины XIX в. можно назвать бытовой формой социальной организации.

В абазинской сельской общине второй половины XIX в. кровнородственные связи интенсивно угасали, заменяясь связями другого типа — соседскими. Этот процесс был обусловлен не только социально-экономическим развитием абазин в XIX в., но и целым рядом чисто внешних причин: переселением большей части абазинского народа в Турцию, выселением из горных районов в плоскостные, расселением абазинских семей по разным аулам, укрупнением сельских общин.

⁴⁰ Л. Х. Акаба, О некоторых религиозных пережитках у абхазов, «Современное абхазское село», Тбилиси, 1967, стр. 34.

⁴¹ Полевые материалы СКЭЭ, МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 10, стр. 44.

⁴² Там же, тетр. 5, стр. 20.

⁴³ Т. Табулов, Абазинские пословицы, «Труды Карачаево-Черкесского НИИ», вып. 2, Ставрополь, 1954, стр. 312, 318.